

Глава 1

Над входом в Музей озера Цинлин покачивался яркий кумач транспаранта: «Добро пожаловать домой! Выставка культурных ценностей, возвращенных в страну итальянским меценатом Гаррисоном Беллу».

Повсюду высились огромные информационные стенды, подробно повествующие о долгом пути ста тринадцати бесценных реликвий на родину.

— Спасибо, — негромко поблагодарил Чжун Ин.

Пройдя досмотр, он подхватил тяжелый футляр с лютней и неторопливым шагом вошел в прохладную тишину музейного зала.

Здесь царил дух ушедших эпох; в косых лучах прожекторов лениво кружились едва заметные пылинки, похожие на крупички самого времени.

Его взгляд лишь вскользь скользил по стеклянным витринам, где покоились старинные свитки, тончайший фарфор и покрытая патиной бронза. В отличие от праздных посетителей, юноша не задерживался у экспонатов, а целенаправленно шел к главному залу.

Просторное помещение встречало торжественной пустотой. Ровно по центру высился исполинский стеклянный саркофаг.

На постаменте высотой в полчеловеческого роста, уходящем почти под самый потолок, покоился инструмент причудливых очертаний. Это был древний цинь. Под приглушенным светом софитов на ней тускло поблескивали десять натянутых струн, отливающих благородным серебром.

Глубокий черный цвет мореного дерева напоминал вековые стволы первозданного леса. Каждая деталь дышала суровым величием.

Вся поверхность деки была покрыта тончайшей паутиной трещин. Они змеились по дереву, напоминая чешую дракона, а у самого грифа переходили в узор, похожий на лепестки дикой сливы-мэйхуа. Эти глубокие морщины времени красноречиво свидетельствовали о том, что инструмент разменял второе тысячелетие своей земной жизни.

И все же, несмотря на груз пережитых веков, лютня не казалась хрупкой. В ее очертаниях по-прежнему угадывалась непреклонная, гордая сила, способная подчинить себе любого, кто посмеет к ней прикоснуться.

Чжун Ин замер, затаив дыхание.

Мягкий свет скользил по серебряным жилам струн, рождая иллюзию лунного сияния. Казалось, тронь их — и этот призрачный блеск заставит воздух задрожать от беззвучного, глубокого эха.

— Смотри, какая странная штука, — раздался рядом девичий голосок. К витрине подошла молодая пара. Спутница легкомысленно ткнула пальцем в стекло. — Надо же, у нее целых десять струн!

— Династия Тан, десятиструнный цинь, — прочитал парень с висевшей рядом таблички. — Инструменту больше тысячи лет, понятное дело, что он отличается от современных. А вообще, деревянная руина, живого места нет от трещин. Такие вещи держат в музеях чисто ради мебели, играть на них все равно нельзя.

— Играть на ней можно, — негромко, но уверенно возразил мягкий женский голос, прервав их спор.

Чжун Ин с любопытством обернулся. К витрине подошла девушка с собранными в аккуратный хвост волосами. В ее осанки чувствовалась строгая выправка, а форменный жакет и бейдж на груди выдавали в ней сотрудницу музея.

Приветливо улыбнувшись, она указала на древний инструмент:

— Эти трещины на лаке знатоки называют «узором увядания», или дуаньвэнь. В старинном трактате «Прояснение тайн пещерных небес» сказано: «Истинность древнего циня познается по его трещинам, ибо не бывает инструмента старше пятисот лет, чье дерево осталось бы гладким». Чем старше инструмент, тем гуще покрывающая его паутина. Многие современные виртуозы владеют танскими и сунскими лютнями с подобными отметинами времени и регулярно выступают с ними на концертах. Более того, знатоки утверждают: чем глубже эти трещины, тем чище и пронзительнее звучит инструмент.

Она сделала небольшую паузу и добавила с оттенком гордости в голосе:

— К тому же этот инструмент — не просто безжизненный экспонат. Наш даритель, господин Гаррисон Беллу, привез его в Китай с единственной целью: преподнести в дар великому мастеру Фань Чэньюню.

Слова девушки мгновенно разожгли любопытство молодых людей.

— Дар? — удивилась девушка. — Значит, слухи о том, что мастер Фань сегодня приедет опробовать инструмент, это правда?

— Но почему этот итальянец решил отдать столь редкую вещь именно мастеру Фаню? — поинтересовался ее спутник. — И если лютня подарена, то почему она до сих пор стоит за

стеклом?

Сотрудница музея понимающе улыбнулась:

— Все верно. Господин Беллу убежден, что истинное предназначение музыкального инструмента — звучать, а не пылиться под замком. Услышав выступление мастера Фань Чэньюня в Италии, он без колебаний решил, что древняя реликвия должна обрести достойного хозяина. Как только выставка завершится, десятиструнный цинь перейдет в личную коллекцию маэстро. Думаю, как только мастер Фань разгадает все секреты этого старинного строя, нас ждет грандиозный концерт, где мы наконец услышим голос ушедшей эпохи Тан.

Современные лютни имеют лишь семь струн. Укротить строптивый десятиструнный инструмент — задача невероятной сложности даже для признанного виртуоза.

Парочка переглянулась с благоговейным восторгом, смешанным с легким сожалением. Вполголоса обсуждая утонченную, парящую манеру игры Фань Чэньюня, они неспешно двинулись дальше вдоль экспозиции.

У витрины остался лишь Чжун Ин. Он стоял неподвижно, бережно сжимая ручку своего футляра, и не отрывал взгляда от замершего в безмолвии инструмента.

— Добрый день. Хотите, я расскажу вам о нем подробнее? — вежливо обратилась к нему девушка, заметив его пристальное внимание.

Чжун Ин повернулся к ней и, слегка приподняв свой футляр, с мягкой улыбкой ответил:

— Благодарю, не стоит. Я сам музыкант и хорошо знаком с его историей.

Девушка едва заметно усмехнулась, сочтя его слова юношеским бахвальством. В конце концов, этот десятиструнный цинь нельзя было мерить мерками обычных инструментов.

Все известные уцелевшие лютни эпохи Тан и Сун имели либо семь, либо пять струн. Редкие образцы десятиструнных инструментов, найденные при археологических раскопках в Китае, представляли собой полуистлевшие деревянные основы без намека на колки или струны. Письменных свидетельств о них почти не сохранилось. Этот же инструмент был уникален: он дошел до наших дней в полной сохранности, со всеми колками и жилами, готовый запеть в любой момент.

Тем не менее она сдержала иронию и дружелюбно кивнула:

— Что ж, прекрасно. Я все равно жду здесь гостей, так что если у вас возникнут вопросы — не стесняйтесь. С удовольствием на них отвечу.

Чжун Ин тоже ждал. Чтобы занять время, он скользнул взглядом по ее бейджу и светским тоном поинтересовался:

— Вы работаете здесь экскурсоводом?

— Вовсе нет, я реставратор! Меня зовут Чжоу Цзюньтун, — с гордостью поправила она, приподняв висевший на шее пластиковый прямоугольник. На нем действительно красовалось ее имя, а строчкой ниже значилась должность.

— Теперь понятно, откуда такие глубокие познания, — уважительно кивнул юноша.

Чжоу Цзюньтун просияла:

— На самом деле я просто провела бок о бок с этими реликвиями почти пять лет и успела изучить каждую деталь. Я только недавно устроилась в Музей озера Цинлин, но готова посвятить этой работе всю жизнь.

Услышав столь зрелое решение от столь молодой девушки, Чжун Ин проникся к ней невольным уважением. В его голове сошлись элементы пазла.

— Получается, раньше вы работали в музее Гаррисона Беллу?

Глаза собеседницы восторженно блеснули:

— Да! Я изучала реставрацию в Италии и все это время практиковалась в его галерее.

Итальянская школа реставрации заслуженно считалась лучшей в мире. Оставив тему музыки, они перешли на тонкости сохранения древностей, и Чжоу Цзюньтун заговорила с еще большим жаром.

Она увлеченно рассказывала о том, что Италия, унаследовавшая колоссальное культурное наследие Римской империи, еще в пятнадцатом веке приняла первый закон, запрещающий расхищение и разрушение памятников искусства. Что охрана памятников там — не удел горстки чудаков-ученых, а национальная идея, предмет гордости каждого гражданина.

— А господин Гаррисон Беллу — настоящий титан этого движения, — с придыханием продолжала она. — С тех пор как в 1950 году он открыл свой частный музей, защита древностей стала делом всей его жизни. И речь идет не только о европейском наследии. Наш китайский антиквариат, заброшенный судьбой на чужбину, он собирал с величайшей осторожностью. Совместно с профессорами Флорентийского университета они создали целую научную систему по сохранению восточных раритетов.

Чжун Ин внимательно слушал, наконец оторвав взгляд от десятиструнного инструмента.

— Похоже, вы искренне восхищаетесь этим человеком?

— Я безмерно ему благодарна, — твердо ответила Чжоу Цзюньтун. На ее лице отразилось искреннее благоговение. — Без его заступничества эти сто тринадцать шедевров никогда не вернулись бы на родину в таком безупречном состоянии.

Чжун Ин промолчал. В груди шевельнулась глухая тоска, смешанная с горькой иронией.

Он обвел взглядом многочисленные стенды. Портрета самого Гаррисона Беллу нигде не было, но упоминания о его флорентийском музее встречались на каждом шагу. В этой частной галерее во Флоренции хранилось более десяти тысяч артефактов, и львиную долю коллекции составляло наследие Поднебесной.

Нынешняя экспозиция включала в себя тончайший фарфор династий Мин и Цин, ритуальную бронзу эпохи Шан, бесценную живопись на шелке времен Тан и Сун. Каждая вещь сопровождалась подробной архивной справкой о путях ее приобретения.

За исключением одной-единственной реликвии — безмолвной десятиструнной лютни.

Чжун Ин не выдержал и тихо хмыкнул:

— То, что вещи уцелели — заслуга таких мастеров, как вы, а вовсе не подвиг мародера, который их прибрал к рукам.

— Что?.. — Чжоу Цзюньтун недоуменно нахмурилась.

Лицо Чжун Ина исказила холодная, язвительная улыбка.

— Раз уж вы столько лет провели в стенах его музея, скажите: вам известно, как все это богатство оказалось в Италии?

Девушка на мгновение задумалась, припоминая архивы.

— Большую часть экспонатов господин Беллу лично выкупал на аукционах или приобретал у других коллекционеров.

— Допустим, фарфор и бронза попали к нему именно так, — мягко согласился Чжун Ин. — Но эта лютня — совсем другое дело.

Собеседница удивленно округлила глаза:

— Я не понимаю, к чему вы клоните.

Взор Чжун Ина вновь обратился к древнему циню. В тусклом свете прожекторов змеинный узор на старом лаке казался шрамами, оставленными безжалостной историей.

— Последним, кто играл на ней, был Шэнь Лин. Выдающийся музыкант эпохи Китайской Республики. Он в совершенстве владел классическим семиструнным инструментом, но с пяти лет посвятил себя разгадке секретов этой фамильной десятиструнной реликвии. Позже он вместе с единомышленниками основал Общество изящных созвучий минувшего. Они разыскивали уцелевшие танские лютни, пипы, эрху и наборы колоколов-бяньчжун, чтобы по крупицам восстановить утраченное звучание древних напевов Императорской музыкальной палаты. В сорок втором году, когда берега озера Цинлин оккупировали японские войска, господин Шэнь был брошен в застенки. Именно тогда лютня исчезла из страны.

Чжоу Цзюньтун слушала молча. Эти исторические факты не были для нее секретом. Однако она упрямо мотнула головой и возразила:

— Но ведь это преступление японских милитаристов! При чем тут господин Беллу? Он лишь спас ее от гибели!

Чжун Ин почувствовал, как в ее словах вскипает глухое сопротивление. Как и любой прилежный ученик, Чжоу Цзюньтун до последнего защищала авторитет своего наставника, требуя благоговения перед «великим спасителем китайского искусства».

Славить грабителя, преклоняться перед вором — от этой нелепости Чжун Ину сделалось невыносимо горько. И он решился сорвать маску благодетеля с этого европейского коллекционера, пускай даже это ранит наивную душу стоявшей перед ним девушки.

Выждав тяжелую паузу, он произнес ровным, ледящим душу голосом:

— При том, что ваш великодушный Гаррисон Беллу воспользовался трагедией. Едва мастера Шэня увели под конвоем, этот юноша заявился в разоренную усадьбу Общества и обманом вывез цинь из страны. Он лишил нашу землю ее голоса на долгие семьдесят девять лет.

Старая рана, расковырянная этим разговором, вновь закровоточила призрачной гарью той далекой войны.

Увидев, как побелело лицо девушки, Чжун Ин тихо добавил:

— И после этого вы называете его хранителем наследия?

— Лживая чепуха! — вспыхнула Чжоу Цзюньтун, готовая грудью отстаивать честное имя своего кумира. — Господин Беллу до глубины души любил китайскую культуру и дорожил каждым экспонатом! Он физически не мог пойти на такое свинство. Эту люгня он случайно нашел на аукционе в Италии в две тысячи седьмом году. Как он мог самолично вывезти ее из Китая во время войны?!

Она сделала глубокий вдох, с трудом сдерживая дрожь в голосе:

— Мой профессор рассказывал, что если бы не личные средства господина Беллу, если бы он не нанял лучших реставраторов и не созвал международный консилиум экспертов, этот инструмент давно бы превратился в труху! Только благодаря его щедрости и упорству мир вообще узнал, что в Европе уцелел бесценный десятиструнный цинь эпохи Тан!

— Две тысячи седьмой... — Чжун Ин по-прежнему не смотрел на нее, созерцая тусклое мерцание струн.

Его голос звучал абсолютно спокойно:

— Иными словами, ваш благодетель прятал сокровище в неизвестности долгих шестьдесят пять лет. И явил его миру лишь тогда, когда дерево начало безвозвратно гнить и трескаться, вынудив его обратиться к специалистам.

Чжоу Цзюньтун задыхнулась от возмущения. Она испуганно огляделась по сторонам, проверяя, не прислушиваются ли к их перепалке редкие посетители. Убедившись, что они одни, она сделала шаг вперед и заговорила яростным, сдавленным шепотом:

— Вы понятия не имеете о том, как трепетно в Европе относятся к искусству! И совершенно не знаете господина Беллу. Пусть об этом не пишут в учебниках истории, но я обязана открыть вам глаза...

Она сжала кулаки:

— Гаррисон Беллу был преданным другом и духовным братом Шэнь Линя! А вовсе не грабителем, каким вы его себе навоображали!

И Чжоу Цзюньтун поведала ему красивую, как древняя легенда о Юй Боя и Чжун Цзыци, историю.

Шестнадцатилетний Гаррисон приехал в предвоенный Китай вместе с отцом-дипломатом и вскоре познакомился с главой Общества изящных созвучий минувшего минувшего. Несмотря на разницу в возрасте, между юным европейцем и утонченным китайским музыкантом завязалась редкая, глубокая дружба.

Когда разразилась война, патриот Шэнь Лин наотрез отказался играть для японских офицеров, за что и поплатился свободой. Юный Гаррисон умолял отца вмешаться, задействовать дипломатические связи, но против безжалостной военной машины они оказались бессильны. Юноше пришлось покинуть объятую пламенем страну, так и не сумев спасти друга.

Оказавшись в Италии, Беллу годами пытался разузнать хоть что-то о судьбе своего духовного брата. Лишь в 1950 году до него дошло страшное известие: Шэнь Лин погиб в застенках еще в сорок третьем. Разбитый горем Гаррисон основал частный музей, чтобы превратить его в нерушимый памятник их прерванной дружбе.

— Он ценил эту лютню больше собственной жизни! — горячо шептала девушка, и на ее глаза наворачивались слезы. — Он сотни раз повторял нам, своим студентам и коллегам: «Моя величайшая гордость — то, что я сумел разыскать этот инструмент. Ведь в нем осталась душа моего лучшего друга».

Голос Чжоу Цзюньтун дрожал от избытка чувств. Эта трогательная история укрепила ее в мысли, что она занимается правым делом, оберегая наследие великого гуманиста.

Ее слова рисовали перед мысленным взором величественную картину: убеленный сединами престарелый итальянский синьор со скорбной улыбкой стоит перед витриной с десятиструнным цинем, пытаясь сквозь шероховатости старого лака расслышать далекий голос безвременно ушедшего друга.

Прекрасная сказка о дружбе без границ. Напиши об этом в газетах или соцсетях — и публика разразится слезами умиления, прославляя международную гармонию.

Вот только Чжун Ин оставался абсолютно холоден.

Гаррисон Беллу прекрасно знал, как Шэнь Лин дорожил этой лютней. Он понимал, что инструмент был для мастера смыслом жизни.

И все же он безжалостно забрал его, обрекая на десятилетия разлуки с родной землей, а после сочинил слащавую небылицу для доверчивых китайских студентов, приезжавших к нему на стажировку. Сказку о том, как нежно палач любил свою жертву.

— Вор украл чужую святыню, спрятал в своем сундуке, придумал красивую сказочку, чтобы успокоить остатки совести, а перед смертью испугался геенны огненной и решил вернуть награбленное законным хозяевам, — спокойно резюмировал Чжун Ин. — Простите, но я не нахожу в этом ни капли благородства.

— Да как вы смеете!.. — задохнулась от гнева Чжоу Цзюньтун.

Она собиралась высказать этому заносчивому наглецу все, что думает о его цинизме, но тут со

стороны главного входа донесся оживленный гул голосов. В зал вошла представительная делегация.

Впереди шел подтянутый мужчина лет пятидесяти в изящном традиционном халате-чжуншань из тяжелого шелка. Осанка, уверенный взгляд и неуловимая печать духовного превосходства выдавали в нем знаменитого виртуоза Фань Чэньюня.

По правую руку от маэстро вышагивал респектабельный европеец в строгом костюме — Марк Стэнфорд, доверенный управляющий активами дома Беллу. По левую — суетился сам директор Музея озера Цинлин. Одно это безмолвно свидетельствовало о том, на какую высоту вознесен статус почетного гостя.

— Мастер Фань приехал! — Чжоу Цзюньтун просияла, словно увидела избавителя.

Она бросила презрительный взгляд на Чжун Ина и его футляр:

— Если мои слова для вас ничего не значат, послушайте маэстро Фань Чэньюня. Он был близким другом покойного господина Беллу! Я сейчас же попрошу его рассказать, как все было на самом деле, чтобы вы раз и навсегда прекратили порочить имя достойного человека!

Чжун Ин лишь молча смотрел, как девушка поспешно направилась навстречу вошедшей делегации, гневно цокая каблуками по гранитному полу.

Подойдя к гостям, она вежливо склонила голову перед маэстро:

— Приветствую вас, мастер Фань. Меня зовут Чжоу Цзюньтун, я реставратор Музея озера Цинлин. До этого я долгое время стажировалась в музее Гаррисона Беллу во Флоренции. Для меня огромная честь встретить вас здесь.

— Из галереи Беллу? — Фань Чэньюнь удивленно приподнял брови. — Стало быть, вы вернулись на родину вслед за нашими сокровищами?

Его теплый, лишенный высокомерия тон вызвал одобрительные улыбки у сопровождавших лиц.

В наше время молодые таланты охотнее оставались за границей, прельстившись комфортом и высокими гонорарами. В словах маэстро звучал не просто праздный интерес, а искренняя похвала ее патриотизму.

Чжоу Цзюньтун скромно опустила глаза:

— Я отправилась в Италию учиться реставрации лишь для того, чтобы однажды послужить своей стране. Возможность вернуться на родину вместе с этими шедеврами и заслужить

доверие господина директора — величайшая награда для меня.

Она сделала паузу и, набравшись смелости, добавила:

— К тому же за время учебы я всем сердцем привязалась к этому десятиструнному циню. Вы дружили с господином Беллу и наверняка знаете об инструменте больше, чем кто-либо другой на свете. Позвольте спросить... не уделите ли вы мне пару минут, чтобы рассказать подлинную историю его возвращения?

Ее речь была гладкой и благопристойной. Фань Чэньюнь мягко улыбнулся, его взгляд оставался благожелательным и снисходительным.

— Рассказать о лютне? — переспросил он, сощулив глаза в добродушном прищуре.

Внезапно маэстро посмотрел поверх ее плеча в глубь зала и приветливо помахал рукой:

— Сяо Ин, иди-ка сюда!

Чжун Ин мысленно вздохнул, досадуя на собственную несдержанность. Сейчас он чувствовал себя напроказившим школьником, которого вызвали к директору после жалобы старосты.

Подобрав футляр, он не спеша направился к делегации. Чжоу Цзюньтун провожала его ошеломленным взглядом, а сопровождающие маэстро лица с любопытством перешептывались.

Подойдя ближе, юноша почтительно поклонился:

— Учитель.

Фань Чэньюнь не заметил немого потрясения на лице молодой реставраторши, как не придавал значения и хмурому молчанию своего ученика.

Он ласково похлопал Чжун Ина по плечу и обратился к замершей Чжоу Цзюньтун:

— Вот и славно. Мой преемник разбирается в тайнах этого старинного инструмента куда лучше меня самого. Пусть он вам все и поведает.